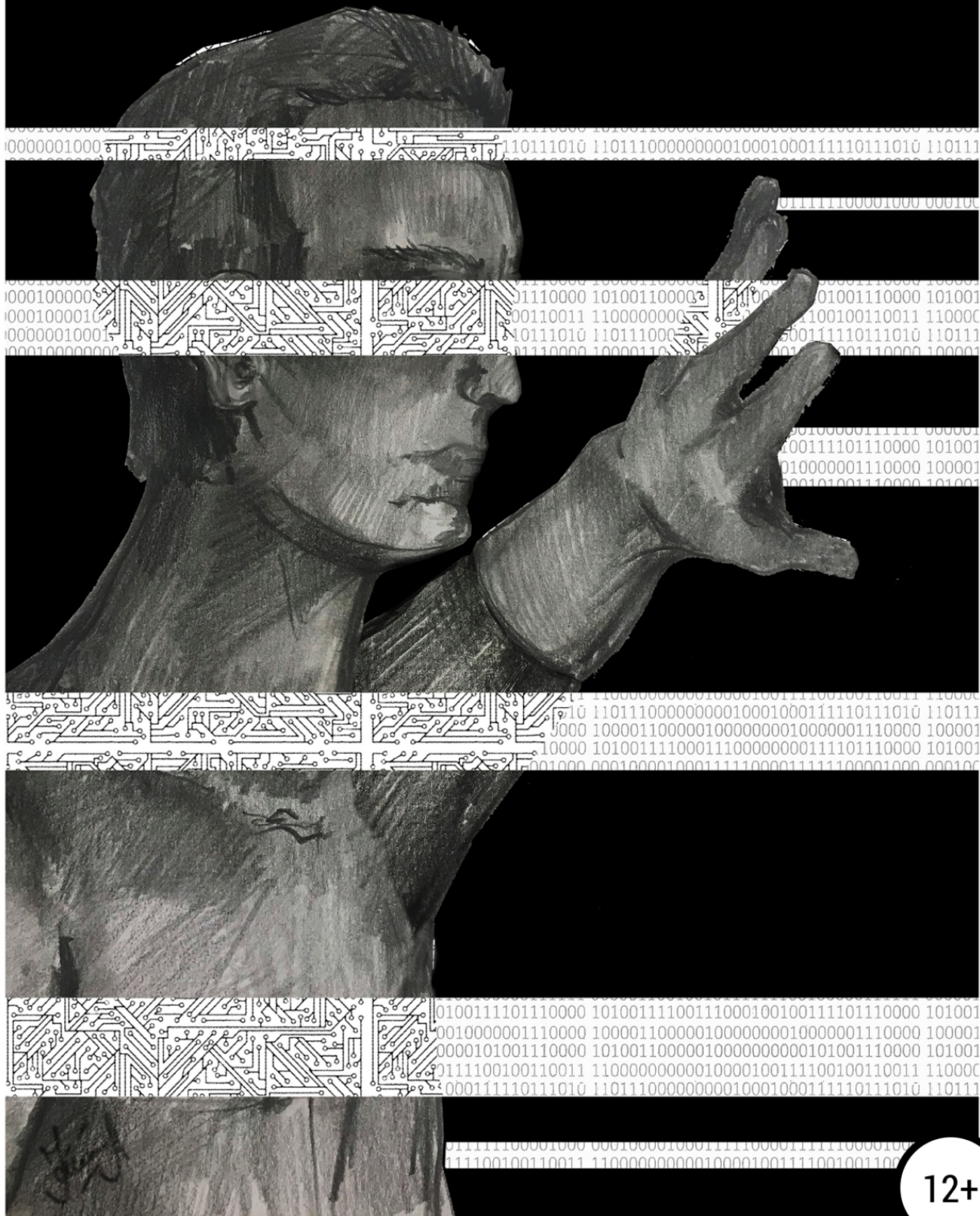

МЫ ЛУЧШЕ НИКИТА ЧИРКОВ

Мы лучше

Никита Чирков

Мы лучше

«Автор»

2018

Чирков Н. В.

Мы лучше / Н. В. Чирков — «Автор», 2018 — (Мы лучше)

Центр Развития Технологий мира технократов уже давно способствует прогрессу Мегалополиса. Молодые специалисты получают шанс внести свой вклад в науку, а руководство строго контролирует любую инициативу гениальных умов. Одним из таких является Бенджамин Хилл – молодой ученый, чей секретный проект в момент тестирования выходит из под контроля. Или нет? Ведь вопреки ликованию Бенджамина руководители отдела робототехники Итан Майерс и Майя Миронова имеют иное мнение. Ставки оказываются столь высоки, что Артуру Конлону - руководителю безопасности ЦРТ - придется взять инициативу на себя и придумать выход из сложнейшей ситуации. Время уходит, а внутренний конфликт среди ученых способен повлиять на судьбу всего человечества.

© Чирков Н. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	11
5	14
6	16
7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Никита Чирков

Мы лучше

1

Зная, каким трудным будет этот разговор Итан пришел за несколько часов до восхода солнца. Долго подбирая слова, он искренне хотел выделить этот момент так же сильно, как весь дальнейший день будет отличаться от предыдущих. Сегодня его жизнь изменится, долгий труд принести результат, а все жертвы и тяготы обретут смысл. Но, как и предполагалось, разговор начнется с извинений.

– Прости меня, – неожиданная тяжесть в горле была сравнима с болью в сердце, причиной чего было бесконечное чувство вины. – Мне страшно... Сегодня такой важный день, к которому я очень долго готовился, очень много работал и... – он замолчал. – Прости меня. Как я могу жаловаться на свои проблемы. На самом деле я хотел сказать, как ценю тот небольшой фрагмент моей жизни, когда ты была жива. Прости. Снова.

Пауза затянулась, и он решил сказать прямо.

– Мне все время кажется, что я сделал недостаточно! Да, чувство вины у меня сильное! Даже сильнее, чем я могу думать. И, знаешь, я рад ему. Доказывает наличия любви, иначе... Хотя. Нет. Я бы... – Слова все еще подбирались с трудом, мысли боролись с берущими верх эмоциями. – Я должен был там быть. Должен! Ты умирала. Одна. А я не был рядом! Лучшие врачи ЦРТ не могли найти лечение, а я отказывался верить в прогнозы. Я плохой брат. Мог бы и... не знаю, я не знаю. Я даже не верю, что говорю с тобой. Но и не приходиться не могу, потому что никто тебя не заменит. Без тебя я чувствую себя одиноким каждый час и день, словно я живу не в том времени, как и не в том месте. Может от того я так редко приходил раньше? Ты напоминаешь что-то человеческое: правильное, хорошее, доброе. Порой мне кажется, что я бросил тебя, что ты где-то там, а я здесь и вместо того, чтобы искать тебя... В этом должен быть смысл, я знаю это, точно знаю. Не позволю тому кошмару существовать без причины. Я обещал тебе это раньше, и я сдержу это обещание. Сдержу.

Итан чуть ли не плакал, говоря с трудом, чувствуя, как всё накопленное за месяцы и годы выходит наружу. Но за приятным облегчением, сразу возрождалась жгучая ненависть в адрес самых ненавистных за всю его жизнь людей. Их могилы он ни разу не навестил. Родственников больше не было, родители матери умерли давно, он их и не помнит. По отцовской линии ему никто не известен и, раз еще тогда, давно, никто не появился на пороге, значит, для него их нет. Как бы не трудился он над обещанием не думать о матери и отце, рано или поздно в его голове они все же появлялись, словно злокачественная опухоль, готовая дать метастазы.

Мама хотела, чтобы отец двух детей перестал быть мечтателем. Чтобы он поменял работу в благотворительных организациях на пусть и менее благородную, но куда более оплачиваемую. Она устраивала истерики, сокрушаясь о замужестве не за того мужчину, а после позорно исчезала из семьи на недели. Она не могла и не хотела жить с тем, кто неспособен правильно расставлять приоритеты. Ведь он тратил все время не на детей и жену, а на несчастных и немощных. Крайне лицемерное отношение, ведь стоило отцу притронуться к бутылке, так вся эмпатия заменялась ревностью и гневом, самобичеванием и разочарованием... Кулаки, крики – настоящая война в четырех стенах между двумя сторонами, не видевшими своего счастья прямо под ногами. В порыве гнева муж лишил жизни жену. После впал в депрессию, отчего его, изначально долгий срок в тюрьме закончился преждевременно из-за успешного выполнения наказания собственными руками, равносильного преступлению. Итану Майерсу тогда

было всего пятнадцать лет, в то время как его сестре – одиннадцать. Валентина – его младшая сестра, толком никогда не говорила про их родителей, будто бы тех и не было вовсе.

– Мне очень тяжело это говорить, невыносимо тяжело, и я ненавижу себя за это. Валентина... каждый раз, когда я здесь... Я вспоминаю их слишком четко и ясно. А потом не могу выкинуть из головы неделями. Но это моя вина. Извини за это. И мысли о них тут быть не должно.

2

Миронова Майя отлично знала, где находится ее коллега, с которым она не просто сотрудничала, а также дружила, хоть они и были крайне непохожи, как в рабочем вопросе, так и в личном. Но именно ее прямота, практичность мышления и приземленность были отличным противовесом зачастую непростого характера гениального программиста. – Они уже здесь? – Уверенно бросил Итан, подходя к Майе.

– Да. Ты вот-вот и опоздал бы, за что похвалу бы точно не услышал.

– Переживу. Главное, чтобы выслушали и приняли выгодное для нас решение, а то мне кажется, что мы движемся в никуда, а это порядком начинает надоедать.

– Вот только при них так не драматизируй, пожалуйста.

Она улыбнулась и указала рукой в сторону двери слева от нее, пуская его идти первым.

Сделав вдох, Итан открыл дверь, и, преисполненный уверенностью, вошел в зал для переговоров, стараясь не думать о том, какие люди будут сидеть перед ним. Поздоровавшись со всеми, он встал напротив них, оставив позади себя пока что пустой экран. Майя так же поздоровалась со всеми и, до момента как Итан взял первое слово, заняла позицию чуть позади него, по правую руку, как бы поглядывая на все со стороны.

– С самого начала развития – человек был уязвим. Природные стихии всегда влияли на наш организм: высокими и низкими температурами, наводнениями, землетрясениями, и я даже не упоминаю угрозы из космоса в виде плотных объектов, попадавшие сюда, следуя не только гравитации. Помимо этого, мы были слабы не только перед более быстрыми и обладающими большими размерами хищниками, но и меньшими опасными созданиями хищной фауны. Я даже не стану начинать рассказывать о бесчисленных вирусных и биологических угрозах. Все это я упоминаю для понимания масштаба одного важного факта, который является основой нашей работы: человек – уязвим. Наша новая программа, в перспективе, позволяет сделать тонкие модификации человеческого организма, привнося в него не только уже давно устоявшиеся изменения в виде замены конечностей на механические, нет. Я говорю про точечные стимуляции определенных долей мозга, с последующим развитием...

– Я прошу прощения, что прерву, – Итан заинтересовался, предполагая развитие дискуссии, но Майя, не сводя взгляда со слушателей, уже поняла, в каком направлении пойдет дальше диалог, – я думал, вы представляете новые типы роботов? Ведь ради этого мы здесь. Или меня дезинформировали? – Строгий вопрос ввел мимолетную неловкость, передавшуюся его коллегам.

– Я не предлагаю игнорировать их пользу и важность. Но наша новая программа по работе непосредственно с человеческим мозгом позволит не просто излечить болезни, связанные, к примеру, с нейрофизиологией, а дать людям возможность стать умнее, то есть, грубо говоря, мы сможем увеличить процент гениев, что изменят наш мир.

– Изменят в лучшую или худшую сторону, позвольте, уточню?

Итану такой вопрос показался издёвкой.

– В лучшую, – сдержанно уточнил он, – это крайне большая область, изучение которой откроет совершенно новые двери для развития и...

– Видимо, нас все же дезинформировали, и вас тоже. Я скажу прямо, нам требуются роботы, способные быть не только физическими работниками, которые строят дома и убирают мусор, нет. Нам нужны охранники, защитники порядка в тех местах, где, скажем так, пряник не работает вовсе. Уверен, вы понимаете меня.

– Да. Но я взял на себя ответственность предложить более радикальные меры по решению общих проблем.

– Но ведь ваша программа ещё не реализована, я так полагаю? Или уже есть образцы, способные показать перспективу вашего исследования?

– Пока мы лишь в самом начале, это так. Но проект требует не только финансирования, но и внимания, ведь в мире множество проблем человеческого фактора, и, к сожалению, это проблема, что будет с нами всегда. Решение ее, в перспективном будущем, будет радикально отличаться от всего ныне существующего и, чем раньше мы начнем, тем лучше. Я предлагаю лечить не симптомы и последствия, а не допускать болезнь и работать на опережение.

– С этим я согласен, проблемы надо решать, и они наши, – представитель на удивление был спокоен, практически повествовательный тон, выдавал в нем крайне терпеливого человека, но, к сожалению, что уже заметили Итан и Майя, переглянувшись в этот момент, добиться должного результата не получится, – мир нестабилен как никогда, и после решения энергетического кризиса, причем, смею заметить, не без использования силовых методов сдерживания, мы сделали первый крупный шаг в освоении космических территорий, что, вам известно не хуже меня, а в какой-то степени даже лучше, ведь ваши разработки помогают сейчас строить новую орбитальную станцию, запуск которой несет за собой последствия.

Наступила пауза, где Итан не сводил взгляда с сидящего перед ним человека высокого ранга, относившегося к нему практически, как преподаватель к ученику, явно непонимающего тему лекции, но не обделенным потенциалом. Майя в этот самый момент уже изучала каждую мышцу на лице и движение глаз своего друга, успешно сохранявшего профессиональный нейтралитет.

– Я согласен с вами. Но считаю, что нужно ковать не оружие, нужно менять людей, и тогда надобность в первом может отпасть. Наука продвигается быстро, и мы, люди, должны не упрощать себе жизнь внешними системами и изобретениями, а, наоборот, делать лучше себя, чтобы необходимость в искусственной помощи попросту отпала.

– Видите ли, я – не мечтатель, не человек науки и не мыслю так, как это могут фантазеры, надеюсь, я не оскорбил вас двоих, этим сравнением, – Итан посмотрел на Майю, и она сразу поняла, что в стороне ей не отсидеться, – мне нужны машины, которые будут беспрекословно выполнять приказы во благо общества и позволять нашим солдатам и гражданам возвращаться домой к семьям.

– Мы можем изменить тех самых людей, сделать их лучше. Кнут больше не понадобится, лишь знания. Если вас заинтересует такой подход, то это покажет...

– А что скажете вы? – Снова перебив Итана, он обратился уже к Майе. Без особых трудностей она включила профессиональный тон, при котором она всегда смотрит в глаза оппоненту, говорит уверенно и, главное, открыто.

– Мое мнение таково: строить механизмы для тех или иных нужд, не особо выделяющихся глубокой стратегией, мы уже умеем. Пора двигаться в другом направлении, пока этого не сделали другие.

– А можем ли мы доверять человеку, мыслящему на уровне программы больше, чем вашим роботам, которые до этого момента, насколько мне известно, еще не подводили в глобальных масштабах?

– Не можем, – Итана несколько удивил брошенный ей ответ, но, сохраняя спокойствие, она продолжила, – так же, как и не можем полностью доверять людям, в чьих руках будет контроль над нашими роботами.

– Именно! – Необычно резко отрезал представитель министерства обороны, дав понять Майе, как успешно она сыграла ему на руку, упустив из вида примитивнейшую манипуляцию. Итан увидел ее взгляд, направленный к нему, в котором читалось принятие поражения. – Представьте, Итан, что ваша программа по кибернизации человека пройдет успешно, и он, человек мыслящий, как вы упоминали, сможет взять под контроль ваши механизмы или, что еще

хуже, посчитает себя приверженцем лагеря роботов, а не людей, прощу прощения за простоту сравнения.

– Я понимаю ваши опасения, – активно стал парировать Итан, – но это крайне мало вероятный исход. Цель не объединить человека и программу, а дать этому человеку чуть больше возможностей, ради искусственной эволюции. Нужно направить общие силы для развития человека, дабы не потребовалось в будущем создавать очередное орудия устранения друг друга.

– Мальчик мой, – терпеливо и даже наставнически ответил он, – я занимаю свою должность более двадцати лет, уже даже пенсия не за горами, и я знаю людей куда лучше, чем ты думаешь. На твоём месте, я бы этому радовался. Поверь, никакие модификации не изменят сути человека, скорее всего, даже наоборот, только усугубят. Мы на пороге освоения космических территорий, вы это знаете, и все те базы на Луне и Марсе, что должны были начать строить ещё вчера, нуждаются в ваших машинах, в том числе и для защиты этих мест от конкурентов, живущих буквально по соседству. Хотим мы этого или нет, но проблемы надо решать здесь и сейчас, иначе от ваших будущих разработок, которые мы пока НЕ заказываем у вас, толку не будет. Я прекрасно понимаю, какую идею вы преследуете, и верю в необходимость реализации подобного, но...

– Не сейчас, – закончила Майя.

– Наконец-то мы пришли к единому мнению.

Эти слова подтвердили уверенность Итана в нежелании гостя идти по направлению развития, а следовать, оставаясь приверженцем проверенной веками техники по контролю. Следующий час он предоставлял прототипы строителей и защитников, создание которых почти становилось рутиной.

3

Огромное сооружение, которым является Центр Развития Технологий, основано богатейшими людьми с целью создавать будущее путем развития настоящего. ЦРТ находился за Мегполисом, откуда с границы многомиллиардного муравейника виден огромный небоскреб высотой в триста этажей, являющийся главным зданием.

Утро Бенджамина Хилла больше напоминало классический ритуал с четкой последовательностью действий, нежели исполнение обыденных для любого человека ранних дел. Вместо сонного подъёма с кровати с последующей разминкой, умыванием и завтраком, Бенджамин уже на первых минутах после открытия глаз, подходил к одной из стен квартиры, которую использовал для рабочих записей, где пытался завершить решение задачи, не дававшей ему покоя. Скрипя зубами и стуча пальцами по ближайшей поверхности – зачастую просто перебирая ими в воздухе, – он пристально вглядывался в формулы уравнений, целью которых было создание устойчивого поля для устройства, которым он был занят не первый год. Жил он в одной из квартир, предоставленных ЦРТ для сотрудников. Бенджамин был здешнего происхождения, если верить хранившимся в приюте документам, где он рос до того момента, как на тестах перед поступлением в школу его результаты не превысили все допустимые предположения о таланте. Дальше были ожидаемые действия: прознав о его врожденной гениальности в анализе и вычислительных системах, его забрали под опеку университета, который курировался тем самым ЦРТ, ныне давшим ему свой угол, рассчитывая на перспективность его работы.

С детства он был довольно самостоятельным человеком, малых потребностей, с другими людьми ему было зачастую скучнее, чем с любой из книг. А ими было заставлено приличное пространство в квартире, состоявшей из одной большой соединяющейся с кухней комнаты.

– Слушаю внимательно, – бодро ответил он, продолжая разглядывать вычисления на стене.

– Ты на работу пойдешь сегодня? – Спросил руководящим тоном Кристофер.

– Я и так на работе. Даже скажу больше, я – живу на работе. Так что, друг мой, твой вопрос несколько парадоксален.

– Закончил умничать?

– Да я даже не начинал. Слушай, давай на чистоту, от меня дома пользы больше. А быть там и следить за полировкой системы, попутно помогая всяким стажерам и новичкам в простейших алгоритмах и, хуже всего, программировании – это скучно, – он знал, что Кристофер так просто не отстанет, но сдаваться без боя он не любил и всегда старался добиваться своего.

– Во-первых, они не новички, во-вторых, ты – руководитель проекта, твоя прямая обязанность следить за тем, чтобы каждый винтик был вкручен правильно, и каждая цифра была на своем месте. Бенджи, я устал постоянно заставлять тебя работать в коллективе и нести ответственность за твоих прямых подчиненных. Или ты забыл, насколько дотошно мы подбирали персонал, причем, смею заметить, строго для исполнения поставленных задач. Честно говоря, это выходит далеко за рамки, так не должна быть устроена работа, и вряд ли будет еще подобный прецедент. И, раз уж так произошло, прошу тебя радоваться тому, как сошлись звезды, что тебе такое выделили. Повзрослей уже!

– Как же вы меня все нервируете, – ворча, практически подыгрывая, произнёс он.

– Быстро иди сюда и контролируй тесты элементов единственного, между прочим, в мире прототипа. Мы на финишной прямой, так что посерьезней, – Кристофер закончил громко и повесил трубку, зная, что Бенджамин послушает его.

4

Майя и Итан вышли из главного здания ЦРТ, откуда час назад отправились обратно в город представители министерства обороны, по своим, неизвестным им целям. Оба смотрели им в след, сидя в уличном ресторане под открытым небом. Место это было простым и крайне удобным для небольшого обеда или отдыха от работы, где можно было заказать теплый напиток или коктейль, за чтением книги или любым другим времяпрепровождением вне ЦРТ. Находившееся слева от входа в здание на отдельном подиуме, оно возвышалось на пять этажей и вмещало много сотрудников. Майя и Итан сидели на первом, друг напротив друга, прямо у окна с видом на Мегполис.

– Я предупреждала, что им не продать будущее, лишь мечи и щиты.

– Ты ведь знаешь, что я бы все равно попробовал, так что сам виноват. Все это – какой-то замкнутый круг. Мы строим роботов для выполнения задачи, где существует риск человеческого фактора, но, когда мы предлагаем возможность уменьшить данный фактор, нам отвечают отказом, ведь боятся человека, который будет лучше, чем они сами, из-за чего нам приходится строить роботов.

– Думаешь ты так лишь по одной причине – ты слишком много думаешь, – с улыбкой произнесла Майя, поймав ироничный взгляд Итана.

– Потрясающее заключение.

– Я серьезно! Они решают проблемы здесь и сейчас, лишь частично заглядывая наперед, а ты пытаешься отсечь выработанные веками инстинкты и привычки людей, и втиснуть нечто, возможно и полезное, но мало нужное сейчас.

– Интересно, а когда же придет благоприятное время для развития самого человека, а не его инструментов? Какие же немислимые события должны произойти, чтобы наступил тот самый день, после которого не останется иного выхода, кроме как начать двигаться в другую сторону? – Видя его недовольство, она промолчала, давая ему время выдохнуть.

– Знаешь, мы в любом случае опоздаем, как ни посмотри.

– Хватит! – Майя перешла на высокий тон, видя раздосадованность Итана, – ты пытался, но не получилось, такое бывает, но это не значит, что все кончено. Надо продолжать работу с тем, что у нас есть, пока не будет того результата, который заинтересует высшее руководство и инвесторов в актуальности проекта.

– Я знаю, знаю... Сегодня еду к Елизавете, хочу привлечь к разработке. Возможно, ее имя даст необходимое внимание.

– Я не знала, что ты общался с ней на тему имплантов.

– Общался, – Майя смотрела на него тем взглядом, который требует уточнений, – точнее, отправил ей проект.

– Если она уже в деле, почему ты не сказал об этом сегодня на встрече?

– Отличный вопрос... Вылетело из головы...я... сегодня с самого утра все как-то странно, не могу собраться с мыслями, еще и встреча прошла ужасно...

– Она прошла нормально, ты знаешь это, просто расстроен, и это, кстати, тоже нормально. – Итан лишь кивал в такт ее словам, прекрасно понимая правоту Майи, но не желая принимать неудачу, он блуждал где-то между разочарованием и злостью.

Подобное Майя видела не в первый раз, особенно то, как он закапывается внутри себя, будто бы просчитывая варианты того, что и как делать дальше, забывая на этот промежуток времени обо всем вокруг него. За долгих семь лет с их знакомства и начала сотрудничества, ей несложно было угадать то, в каком состоянии сейчас находится его ум и настроение.

Они очень быстро нашли общий язык и не успели оглянуться, как стали хорошими друзьями. С ним ей было легко и просто, не так, как со многими другими. Не то, чтобы она не

умела налаживать контакты с людьми – с этим у нее как раз проблем никогда не было – просто слепое доверие и вера в их искренность – это не самая лучшая затея. Но, с другой стороны, наученная в первую очередь полагаться лишь на свои силы, она и смогла пробиться на такую должность в свои двадцать девять лет, всегда внимательно обращая внимание на то, с какими людьми лучше дружить, а какие могут создать проблемы. Назвать Майю карьеристкой было бы правильным решением, и будущие достижения вполне могли бы затмить многие великие судьбы, но кое-что, казалось существующее в ней всегда, а не воспитанное в семье, не позволяло ей даже думать о том, как достичь власти и признания, статуса и имени. Сочувствие – это то, что ей было контролировать сложнее всего, ведь подобное несколько противоречит ее силе характера, который, пусть она его строго в карьере, ей бы не было равных.

– Сегодня утром был у сестры... – Майя молчала, выжидая и поглядывая на него как бы невзначай, зная, как мало и редко он о ней говорит, ей было неожиданно услышать это сегодня, – обычно я не думал об этом, но сегодня все словно намекает мне на мысль: как же быстро летит время, и как же мало происходит перемен.

– Это из-за посещения кладбища или же неудачных переговоров? – Нейтрально спросила Майя, оценивающе смотря на Итана, пока тот блуждал в своих мыслях, уходя от зрительного контакта.

– Из-за всего, – не сразу ответил он, – мы работаем на должностях с большими возможностями, не говоря уже о связях и знаниях, а толку? Делаем что говорят, получаем зарплаты, и все мечтаем изо дня в день, как что-то изменим, в то время пока не меняется ничего...

– Ты ведь понимаешь, что мы не умрем завтра, верно? – Итан нехотя кивнул, – я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь, даже, согласна с тобой. Но есть важное «но» – не стоит спешить, ведь пока ты спешишь – не успеешь оглянуться, как все уже прошло, и останется лишь жалеть об упущенных возможностях.

– Почему-то это звучит как цитата старца или мудреца? – Взглянул он на нее раздосадованным взглядом.

– О, еще какого старца, ты даже не представляешь, – бодро взорвалась Майя, – мой отец любил выражаться кратко, но по сути, как человек простой настолько, насколько это вообще возможно, его устами можно весь мир заново создать, – Итан чуть усмехнулся, – причем, вполне лучше может выйти, чем есть сейчас.

– Интересно, что бы твой отец сказал сегодня, видя, как нас мягко отшили?

– Первым делом он бы указал на то, что сомневаться в начальстве нельзя, им видней, наша задача лишь предоставить доводы. Не стоит думать за всех, нужно оперировать тем, что у тебя есть, следуя тому, чего ты хочешь.

– А вторым делом? – Немного недовольно спросил Итан, явно стараясь выгнать из головы мысли о том, насколько, по его мнению, вышестоящее руководство мыслит узко и примитивно.

– Отчитал бы за плохо подготовленную работу. Отец – человек старой закалки, и считаться с мнением вышестоящего руководства дело неоспоримое. Истинный приверженец субординации, из-за чего вы вряд ли бы поладили, так что радуйся, что не встретились. – Самодовольная улыбка не спадала с ее лица, явно стараясь вывести Итана на окончательно позитивный настрой.

– Радуюсь, но если что – во всем буду винить тебя, – она кивнула ему довольная, он же смог даже улыбнуться, – а давно ты общалась с братьями?

– Чаше, чем кажется, но реже чем бы хотелось, – пытаюсь придать артистичности, произнесла Майя, что не спроста больше походило на демагогию.

– Почему я до сих пор не знаком с твоей семьей? Неужели им не интересна твоя работа, твои достижения, гордиться-то есть чем. Экскурсию провела бы им, у нас есть на что смотреть.

– С ней вообще никто не знаком. Живут они далеко, а моя работа мало чем интересна, ведь, как это ни странно, ничего уникального в ней они и не увидят. Уж папа точно. Он же сам

механик, уверена, появишься он здесь, уже завтра смог бы меня заменить, так что, нет, спасибо, – позитивно подытожила она.

– Как-то это...

– Скучно? О да, это про нас. Папаня неразговорчив, здесь я пошла в маму, зато если что и скажет, то в самую точку. У братьев-балбесов это не особо получилось перенять, они хоть и старшие, но порой мне кажется, я ушла намного дальше, если ты понял, о чем я. – Ей были приятны эти разговоры, как и сам факт того, как они влияли на Итана, по одному лишь лицу, которого, было видно позитивное влияние.

– Вот скажи, как так получилось, что мы начали разговор обо мне, а закончили о тебе? – С неподдельным интересом спросил Итан.

– Ну, я всегда была отличницей в риторике, вот и ответ, – гордо ответила Майя.

– В следующий раз ты будешь представлять проект, а я сидеть в стороне.

– Договорились.

5

Через несколько часов Бенджамин все же исполнил указания и, пусть несколько против своей воли, но явился на официальное рабочее место. Первым делом он лично подошел к каждому подчиненному и проверил степень исполнения его недавних поручений и уже завершённых работ. Как начальник, он был вполне лоялен, и его не терзали вопросы авторитетности и уважения, ибо главное – работа и результат. Из-за чего, вопреки правилам, он ввел свободный дресс-код и позволил расположить подчиненным свои рабочие места по их усмотрению. От лифта их отделяли большие двери, являющиеся входом в те самые рабочие зоны, где большую часть времени специалисты под началом Бенджамина работали над инженерией и программированием. Лишь два квадратных верстака, два на два метра, с прозрачными, строго вертикальными экранами на каждой стороне, для вывода рабочей информации, находящихся строго по центру, были местом сосредоточения общей работы. Остальное пространство было хаотично заставлено рабочими местами с компьютерами, стульями и поверхностями для записей. Во втором зале, расположившимся прямо за первым, находилась большая сфера, которая крепилась на шарнирах к внешнему корпусу из сверхпрочных швеллеров.

Похвалив всех подчиненных, Бенджамин проследил, как каждый покинул рабочее место, оставив его одного. Стоило последнему выйти за двери – через минуту зашел Кристофер.

– Ну, как все прошло? – Спросил Кристофер, подойдя к центральному верстаку, и сел на стул, перед этим повернув его спинкой вперед. Слегка полноватый мужчина пятидесяти лет, одетый максимально невзрачно, с чисто выбритым лицом, которое очень хорошо смотрелось с густыми, зачесанными назад черными волосами.

– Из твоих уст это звучит так, словно ты про смеситель в ванной спрашиваешь, – спокойно ответил Бенджамин, продолжая проверять цифры на доске с противоположной стороны верстака от Кристофера, постукивая пальцами по обратной стороне планшета – зачастую он не замечал этого тика, пока ему не укажут.

– Тебя бы, Бенджи, штрафовать за твою речь и поведение, да, боюсь, ты так максимум на еду будешь зарабатывать.

– Да брось, мы оба знаем, это – не поможет. Тебе, как руководителю, который следит за работой лабораторных кроликов самого захудалого отдела великого и могучего ЦРТ, будет полезно иметь положительный результат. Которого, что немаловажно, можно достичь, лишь позволяя работать нам так, как вздумается.

– Вот я тебя слушаю и удивляюсь.

– Ты? Удивляешься мне? Что-то не то с этим миром.

– Я про то, как ты любишь выдавать пафосные длинные тирады вместо краткого и содержательного ответа, при этом строя из себя некоего индивидуалиста, который в то же самое время прекрасно работает в коллективе, – он помедлил, ожидая реакции, – я все видел по камерам. Ты отлично вписываешься в команду, общаешься, находишь общий язык и, кстати говоря, к тебе все отлично относятся. На мгновение мне даже показалось, что ты флиртовал с одной из сотрудниц.

– Тебе показалось, это она со мной флиртовала.

– Как долго ты будешь ломать комедию и делать вид, что ты весь такой затворник, чурющийся норм общества? Уже бы давно мог найти приличную даму, завести семью.

Наступило молчание. Единственным звуком, доходившим до ушей, был набивающий стук пальцев по столу, знаменующий начало мнимой игры, где каждый доказывал стойкость характера, молча глядя друг другу в глаза: один ожидал ответа, а другой ждал того момента, когда это не понадобится.

– Ты знаешь мою историю и то, как я сюда попал, так что давай без демагогии, – несколько нейтрально сказал Бенджамин.

– Да, знаю. И слишком много банальных теорий я могу предложить, ища причину того, почему ты столько лет занят этим проектом.

– Сегодня что, день такой, что тебя вдруг тянет на психоанализ?

– Я просто интересуюсь своим подчиненным, даже смею сказать – другом. Если все же нужна причина, пусть будет такая. Откуда мне знать, откуда всем нам знать, что ты самостоятельно не создаешь себе и другим невыполнимую задачу, дабы казаться полезным и особенным? Откуда мне знать, что ты сам не придумываешь загадку с заведомо несуществующим ответом?

– Уже поздно, – нарушив затянувшуюся тишину, неестественным легким тоном произнес Бенджамин, улыбнувшись Кристоферу. – Я устал, и ты тоже.

– Проследи, чтобы все было закрыто, – он встал со стула, посмотрел на друга, огляделся вокруг и пошел к выходу.

– Эй, – привлек внимание Бенджамин, подбирая слова и явно колеблясь, – я знаю, возможно, это не мое дело, но этот разговор, на такие темы, случаем не связан... ну... с твоей семьей?

– Ты правда думаешь, что, имея я желание выговориться или обсудить, то не стал бы говорить прямо? – Сдержанно оборвал Кристофер.

– Я просто решил, что, может, как уже было, – Бенджамин немного мямлил, – тебе трудно, и снова посещают... те мысли, о том самом, – прозвучало неуверенно, он словно подбирал слова на ходу.

– И я ценю твое беспокойство, но иногда оно лишнее.

Кристофер оставил Бенджамин одного. В такие моменты он чувствовал себя виноватым, припоминая откровенные разговоры, в которые ненароком просачивались далеко не самые трезвые мысли по поводу собственной судьбы.

6

Санаторий Восход находился порядочно далеко от города, окруженный лесом и дикой природой. Его курированием занималось правительство в содружестве с частными медицинскими и научными организациями. Несколько гектаров земли, множество строений. Первый в своем роде, и на данный момент единственный, он принимал в большей степени детей, чья судьба была менее удачной, нежели чем у большинства людей. Итан прибыл сюда на служебном автомобиле ЦРТ, и ему было забавно наблюдать, что шофер за рулем был робот рабочей серии, в чьи обязанности также входила защита Итана, которую он обеспечивал без применения каких-либо орудий дальнего действия. Это забавно, думал Итан, как же быстро идет прогресс, только они приучили роботов к управлению транспортом, как уже вовсю вводится в эксплуатацию автопилот, который сможет полностью заменить водителя. Простая на вид модель, внешность которой больше походила на механическую конструкцию, имитирующую человеческое строение. Никакой одежды, волос или сложных черт лица. Два глаза, тонкая прорезь, имитирующая рот, и тело, не имеющее гендерной принадлежности. Металлический цвет и красная линия вокруг корпуса с номером модели, дабы выделять его как охранника. Легковой бронированный транспорт остановился на парковке, откуда, уже за ближайшим забором была видна территория.

– Будь здесь, – скомандовал Итан и пошел вперед, не отрывая взгляда от санатория, пристально что-то ища глазами. Робот смиренно замер, лишь мотая головой и сканируя окружение.

Пройдя пропускной пункт, Итан оказался внутри. Окружающая атмосфера настолько отличалась от Мегалополиса и самого ЦРТ, где Итан проводил подавляющую часть своего времени, что казалось, будто он попал в совершенно другой мир. Он прошел мимо первого здания по парку, видя небольшие островки, где располагались группы детей, возглавляемые преподавателями. В одной группе справа дети были поделены на пары и учились командной работе в виде упражнений на собирание конструкторов, помогая друг другу. В другой группе, где возраст был чуть выше, проходило книжное собрание, на котором учитель пытался распознать тревоги и мысли ученика через диалог, используя литературу.

Комплекс существовал строго ради адаптации и помощи тем, чьих собственных сил на раннем этапе взросления недостаточно. Но это было не единственное назначение, и оглядывая каждую группу, ненадолго останавливаясь для оценки детей, Итан исполнял роль сыщика. Он остановился под большим деревом, сокрывшись в тени его широких, могучих ветвей, и смотрел на очередную группу, видя радость детей, выполнявших коллективные игры, разумеется, под присмотром воспитателя.

– Дети – удивительные создания, – сказал женщина, появившаяся рядом, – большинство из них не ведают зла или ненависти.

Невысокого роста, всего в метр шестьдесят, она выглядела на первый взгляд маленькой и скромной, но стоило завести разговор, то в ее взгляде и речи сразу просыпалась образованная и сильная характером женщина, не в меньшей степени добрая и вызывающая безотлагательное доверие.

– Давно не виделись, доктор, – дружелюбно сказал Итан, продолжая наблюдать за группой.

– Не знай я вас, подумала бы, что вы хотите приютить одного из них, с таким взглядом часто и прибывают сюда для этого, – они переглянулись, улыбнувшись. – Может пора уже, раз дамы сердца все нет, как я вижу.

– А если все же есть? – они повернулись друг к другу.

– Уверена, что нет, – улыбнувшись, сказала она. – Я разбираюсь в людях, это моя работа.

– Далеко не все заводят семьи, даже при наличии любимого человека, и так же не все любящие друг друга люди могут быть хорошими, любящими родителями.

– Согласна. Но ещё с того момента, как мы впервые познакомились, я поняла – из вас выйдет хороший отец.

– Что мне нравится в вас, Елизавета, так это прямота. Этим детям повезло, благодаря всем нам, но сколько ещё сотен тысяч людей, детей и взрослых, вынуждены выживать из-за ограниченных возможностей?

– Давайте на чистоту, – Елизавета обернулась к нему, – я уважаю ваш труд, как ученый. Но как человек, которому важны эти дети, мне кажется, это лишь усложнит жизнь, именно поэтому я не говорю, что лучше бы не видела вас ещё полгода, а то и больше, ибо вы заберете кого-то, и вмешаетесь в естественный процесс его взросления и адаптации. Но, как я уже сказала, как человек науки, я считаю это правым делом настолько, насколько боюсь, что приоритет все же в техническом прогрессе, а не создании мира ради мира.

– Звучит так, словно вы в смятении.

– Так и есть. Все ваши доводы логичны и даже, не побоюсь сказать, альтруистичны. Но видя этих детей, вот так, здесь, счастливыми и добрыми, принимающими себя такими, какие они есть, я иногда задаюсь вопросом – а стоит ли вмешиваться, пусть и в несправедливую, но все же природу? Посмотрите сами, они счастливы. И пусть стандарты определяет большинство, где без поддержки, каждому из них в большом мире, будет как минимум трудно, я боюсь того, как бы не забыть каждому из нас, кто мы есть на самом деле, за десятками ваших обновлений и усовершенствований.

– Мне это напоминает культ Природных, верующих в единство с планетой и всем живым, выживающих в лесах и поселках, забыв даже об электричестве, поклоняясь естеству матушки природы. Я не осуждаю, это их право. Но я знаю, вы не оставите детей без образования, без знаний, что нарабатывались веками, ведь иначе они будут не сильно отличаться от зверей. И вот мой вопрос: где разница между вашими знаниями и моими усовершенствованиями, созданными, между прочим, с помощью тех же знаний? – Не ожидая ответа, он продолжил, – вы даете развитие их уму, их видению жизни – это прекрасно. Я же делаю так, что они могут не только видеть и думать, а ещё двигаться и жить, обладая всеми возможностями для той самой жизни, которой учите их вы. Маленькими шагами, но мы сотрем определение и само понимание «плохих» людей, слабых людей или неполноценных, как физически, так и умственно.

– Но рано или поздно случится потеря контроля, а последствия будут сокрушительным. Стандарты определяет большинство, Итан, вам ли не знать. Что есть неполноценность в мире, где все неполноценно?

– На последний вопрос у меня нет ответа, пока что. На случай других ситуаций у меня есть вы, доктор.

– Вы говорите слишком складно, мой друг, уверена дар убеждения не ваш единственный.

– Утренняя встреча опровергает ваши слова.

– Рано или поздно будет поставлен вопрос: как много мы еще можем изменить в человеке? Ответ будет обширным. Но будет ли задан вопрос: зачем продолжать менять человека, лишая его тем самым, самого себя? Вот что меня пугает. Скажите мне, Итан, как не потерять контроль над определением неполноценности?

– Именно поэтому мне нужна ваша помощь и полное участие в новом проекте, ведомый которым, я и оказался снова здесь, – она с удивлением посмотрела на него. – Недавно к вам поступила девочка с аутизмом. Прежде чем вы используете весь словарный запас для парирования всех моих доводов, я скажу, что не хочу его излечить. Моя цель совсем другая. Я хочу изучить эту болезнь, если позволите её так назвать.

– Зачем, Итан?

– В свои десять лет она имеет математический дар, которого люди за всю жизнь не могут добиться, это правда?

– Да.

– Представьте, какие возможности получит человек, если мы поймем, как это работает, не говоря уже о причине или катализаторе, вызывающим такой дар у одних, а не других. Она ведь сирота, верно?

– Да. Родители были из Природных, после того как одно из поселений вымерло от болезни, туда прибыла группа зачистки и дезинфекции, и обнаружила её. Здоровую, целую, без признаков патологических отклонений.

– Кроме аутизма, – задумчиво произнес Итан, – вы поможете мне с девочкой?

– Её зовут Кассандра, – Елизавета кивнула.

– Хорошо. Я могу с ней увидеться сейчас?

– Я бы отвела вас и познакомила, но, кажется, ваши планы в данный момент меняются, – она указала на приближающегося охранного робота. Итан удивился, развернувшись к нему, спросил, не дожидаясь того, как он подойдет ближе:

– Чего ты хочешь?

– Вы отключили способ коммуникации, Итан. Миронова Майя вызывает вас уже семнадцать минут, вопрос срочный, – робот остановился в метре от Итана, – здравствуйте, Елизавета, как вы поживаете?

– Надо же, какой приветливый, – удивилась Елизавета, и ответила, – все отлично, спасибо, а как вы?

– Благодарю вас, все отлично, – ответил сразу робот.

– Вы закончили? – Спросил Итан, переводя взгляд с робота на Елизавету.

Включив гарнитуру сразу спросил:

– Прости, я выключил связь. Что случилось?

– Ты должен немедленно вернуться в ЦРТ, робот отвезет тебя, и никаких вопросов, – Майя говорила быстро, по окончании сразу закончила вызов.

– Что-то случилось? – спросила Елизавета.

– Пока не знаю. Но мне надо возвращаться. Видимо, познакомлюсь с нашей Кассандрой позже, а сейчас мне пора. Спасибо вам, я был рад увидеться, – предвкушая некие проблемы, Итан попрощался с Елизаветой.

7

Система безопасности ЦРТ существовала как отдельное предприятие, исполняя множество функций не только по защите сотрудников, как внутри, так и вне стен компании. Но, куда важнее, и это редко скрывалось, первоочередная задача состояла в сохранности имущества и интеллектуальной собственности. При каких-либо чрезвычайных ситуациях, с учетом специфики работы того или иного отдела, существовала своего рода изоляция, как целого этажа, так и отдельных помещений.

Ситуация, произошедшая сразу по окончании рабочего дня, вызвала мгновенное изолирование отдела Бенджамина Хилла, включая полную запись видео и звука с помещений и строжайший контроль персонала. Не прошло и пары часов, как Бенджамин уже сидел в камере допроса, глубоко погруженный в мысли, отсчитывающий время до прихода вышестоящего руководства в лице Артура Конлона. Человек этот был близок к преклонному возрасту, высокий, под два метра ростом, крепкого телосложения, но с заметным брюшком, с короткой стрижкой, полностью покрытой сединой. Его редко звали по имени, и довольно часто просто – мистер Конлон. Во время происшествия он общался с сыном Дмитрием и дочерью Ксенией, чье обучение в университетах отнимало много времени, отчего они устраивали общую связь раз в две недели, по пятницам, откладывая все дела – они по-семейному общались и делились новостями до самого утра. За последние пять лет они не пропустили ни одной виртуальной встречи, до этого дня.

Через час после оповещения службы безопасности, Конлон отбыл в ЦРТ на служебном вертолете, который всегда пилотировал человек – Артур никогда бы не согласился доверить свою жизнь роботу. Кристофер встретил его весь на взводе, без промедления и даже приветствия, стал с ходу вводить в курс дела, рассказывая о событиях, которые привели их сюда в такое время. Тот, в свою очередь, молча слушал каждое слово, складывая в уме картинку, которая, на удивление, вызвала в нем странное предчувствие, такое редкое, и из-за того узнаваемое еще на подходе, – заключалось оно в наличии проблем, по причине которых он предпочитал роботам людей. Кристофер поведал о выбросе энергии в его небольшом отделе экспериментальной технологии. Пострадавших нет, оборудование обесточено, но не повреждено основательно, инженеры с легкостью все починят. Спустившись на лифте в офис службы безопасности, Кристофер показал мистеру Конлону видеозапись, которая обрывалась в тот самый момент, когда Бенджамин Хилл решил использовать технологию. В эту работу совет директоров верил с трудом, а поэтому с каждым годом выделял бюджет все с большим сомнением.

– Что произошло дальше с мистером Хиллом? – Спросил задумчиво Артур, привычно обращаясь к людям по фамилии.

– Сейчас находится в камере допроса номер два.

Кристофер промедлил и задумался, Конлон это заметил.

– Кто находится в первой?

Кристофер мотнул головой – идти за ним – и Конлон с любопытством последовал. Через минуту они стояли у первой допросной, что была полностью прозрачна для них, но являлась отражающим зеркалом для находящегося внутри.

– Когда пришла охрана, то увидели Бенджамина без сознания. А рядом с ним сидел этот человек, заботливо придерживая его голову, словно ожидая помощи. Он не принимал никаких мер, был спокоен, молчалив, выполнял все команды, а когда они не нашли никаких идентификаторов, то сразу же поместили его сюда.

– Ясно. Врачи осмотрели вашего сотрудника?

– Да, конечно. Бенджамин пришел в себя через пару минут, и с того времени не проронил и слова. Я не уверен, но возможно у него шок, медслужба не отрицает подобного.

– Вы же хорошо его знаете, он ваш человек? – Продолжил Конлон, соблюдая идеальную монументальную неподвижность.

– Да, так и есть, – уверенно произнес Кристофер, стараясь быть услышанным и привлечь внимание к защите своего персонала, но так и не увидел какой-либо реакции в ответ, – мы хорошо общаемся, в каком-то смысле он мой протеже, так что я бы хотел лично с ним пообщаться – мистер Конлон одобрительно кивнул.

Кристофер зашел в комнату допроса, закрыв за собой дверь, и молча сел напротив Бенджамина. В это время мистер Конлон стоял по другую сторону стекла, заложив руки за спину, неподвижно наблюдая.

– Как ты, Бенджи? – По-дружески спросил Кристофер, но ответа не последовало. Как и какой-либо реакции, – несколько часов назад мы спокойно общались, и я просил закрыть за собой дверь, когда будешь уходить... Но, видимо, ты решил делать все по-своему, и вот он результат, – он разочарованно покачал головой. – Я привык к твоему характеру, вы, творцы – фанатики своего дела, – люди своеобразные, я это понимаю. Но ты перешел черту, и если на вопрос: «Что произошло?» – ты отвечать не хочешь, то я задам следующий по списку. Кто тот человек, с которым тебя нашли? – Он стал заметно строже, сдерживая свое разочарование в Бенджамине как в человеке, так и в сотруднике, – это не суд, у нас нет желания устраивать охоту на ведьм. Его нет в базе данных: ни по отпечаткам пальцев, которых у него, кстати, вообще нет, ни по сетчатке глаза его не идентифицировать. Знаешь, я думаю, ты, ведомый своей заикленностью на проекте, нашел где-то человека не менее фанатичного, возможно, даже куда-более, и решил работать с ним вместе, по ночам, в тайне ото всех, думая, что получится проводить его мимо охраны. Но ничего не вышло, и вы больше поломали, чем создали. Первое предположение, когда происходит нечто подобное, где неожиданно присутствуют неидентифицируемые глаза и уши – это корпоративный шпионаж. Ты прекрасно знаешь, как ЦРТ относится к конфиденциальности и сохранению своих активов и интеллектуальной собственности, и знаешь, какой статус сейчас на том человеке, и какой, практически автоматически получаешь ты.

– Кто сейчас нас слушает? – С трудом произнес Бенджамин, слегка прокашлявшись, глядя прямо в глаза собеседника.

– Артур Конлон.

– Приветствую вас, сэр, – оживленнее произнес он, обратившись в сторону зеркала, и продолжил, – я никого не приводил сюда извне, – начал он медленно и размеренно – и также отсеку лишнее, сказав, что тот человек здесь не работает. Когда ты ушел, я ещё несколько часов оставался один, спокойно проверял техническое состояние, пока не понял, что весь функционал работоспособен. Не в полную меру, но уже можно провести первый тест. – Бенджамин перевел взгляд с Кристофера на предполагаемое место Артура и обратно, произнеся без капли вины или сожаления, – я не сдержал своего любопытства. К сожалению, стоило мне включить его, как все вышло из-под контроля. Обороты были бешеные, сеть перегрузилась, провода стали плавиться. Выплеск энергии откинул меня в сторону. Я не просчитал такой результат и получил полное обесточивание, сожженные платы, но кое-что все же сработало и, – он промедлил, – оттуда вышел человек, тот самый, с которым вы меня нашли. Я честно думал, до такого результата ещё работать и работать, но каким-то образом, это – случилось.

– «Это»?

– К нам пришел человек из другого времени.

Кристофер посмотрел в сторону двухстороннего зеркала, пытаясь определиться насчет своего отношения к словам Бенджамина. Артур Конлон сделал глубокий вдох и выдох, окончательно доведя свое предчувствие до апогея, где обратного пути он уже не видел, и списать все на непонимание или неурядицу не получится. Снова он заметил в себе последствия возраста в виде мимолетного, но четкого и явственного желания оказаться не здесь, а дома, продолжая общение с детьми, а не решать проблемы, которые он не раз предчувствовал. Большинство

сотрудников, несмотря на высокое образование и введенный режим работы, все же больше мечтатели в руках коих, по его подозрению, слишком большие возможности, и с которыми он и его заместители иногда чувствуют себя няньками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.